

ВОССТАНИЕ ПИНГВИНОВ

Сегодня, как десятилетия назад, репортажи из Чили вновь заняли первые полосы изданий мира. Зимний воздух Сантьяго вновь, как десятилетия назад пропитан слезоточивым газом и запахом гари. Лужи в центре города – следы не запоздавших в этом году дождей, а результат работы водометов – последнего воспитательного аргумента властей. Прошло уже почти три недели с начала самых крупных за последние 34 года выступлений учеников средних школ Чили. В марте 1990 г., после семнадцати с половиной лет правления военных, закончилась самая длинная и кровавая в истории страны диктатура. Возглавившим это движение старшеклассниками и старшеклассницами сегодня по 15-17 лет, их средний возраст равен возрасту чилийской демократии.

«Не хотят учиться эти бездельники, им бы только бузить», - со смесью скуки и раздражения в голосе резюмировал на днях один русский житель Сантьяго, за многие годы в жизни еле научившийся заказывать по-испански меню в ресторане.

Из-за характерной комбинации синего и белого цвета в обязательной, в большинстве случаев, школьной форме, чилийских учащихся называют «пингвинами». Сегодня бастуют более 600 тысяч школьников во всех главных городах страны. Большинство школ, колледжей и лицеев заняты учениками и находятся под их полным контролем. Чего же хотят «пингвины»?

Сначала - немного истории. До военного переворота 1973 года, в Чили существовала одна из лучших в Южной Америке систем государственного школьного образования. Наряду с государственным образованием традиционно существовало и частное, но различия в качестве образования между одной и другой системой была куда менее

скандальными, чем сегодня. Во времена правительства Альенде началась осуществляться общеобразовательная реформа, которая называлась «Единая национальная школа». Ее суть заключалась в принятии единой учебной программы как для государственных, так и для частных школ и попытке преодоления огромных культурных различий между детьми, представителями разных социальных классов страны. Проект вызвал шквал критики со стороны консервативных кругов и был заблокирован в парламенте.

Российская пресса писала в последние дни, что в 1972 году чилийские студенты бастовали «против социалистических реформ президента Сальвадора Альенде». Как это часто бывает с российскими СМИ, это не совсем правда. Большинство студентов и школьников выступали в 1972 как-раз в поддержку саботировавшейся реакцией реформы «Единой национальной школы», за доступ большинства молодежи к университетскому образованию. Только небольшая привелегированная часть учащихся из частных католических колледжей богатых, верхних кварталов, была мобилизована против «восставшей черни». Вообще студенческое движение в те уже столь далекие годы являлось органической частью общенационального проекта по преобразованию всего чилийского общества, главным историческим выражением которого стало правительство Народного Единства. И основная критика в адрес Альенде со стороны большинства молодежи была как раз не за «социалистические реформы», а за «буржуазный реформизм».

После переворота, пришедшая к власти диктатура радикально изменила сложившуюся в стране десятилетиями систему образования. Резко усилилось социальное расслоение общества. На ключевые посты государственной власти и должности ректоров университетов были назначены военные, взявшие под контроль любую воспитательную работу. С неолиберальными реформами начала 80-х вся социальная сфера была отдана на волю рынка. В подавляющем большинстве случаев, здравоохранение, образование и пенсионное обеспечение были переведены из государственного в частный сектор и превратились в товар, доступ к которому определялся исключительно уровнем доходов граждан. Все высшее образование, в т.ч. в государственных университетах, стало платным. Возникла колоссальная разница между качеством подготовки учеников в бесплатных государственных и платных частных школах.

Унаследованная нынешней демократией от диктатуры экономическая модель общества сохранила систему образования, юридическая и материальная база которой закладывалась в годы диктатуры. После окончания обязательной для всех средней школы, выпускники сдают экзамены ПСУ – «экзамен университетского отбора (prueba de selección universitaria)». Только набрав минимальное количество баллов ПСУ, они получают право поступать в вузы. Экзамены ПСУ, как и учеба в любом университете и все прочие экзамены – платные. Несмотря на то, что государство за последние 10 лет в три раза увеличило отчисления в бюджет сферы образования, в Чили с ПСУ успешно справляются около 91% выпускников частных школ и всего чуть больше 50% выпускников школ государственных. В случае, так называемых «частных субсидируемых школ» - наиболее уродливого примера коммерциализации образования, на котором мы остановимся чуть позднее, эта цифра составляет менее 25%. Одну часть чилийцев учат быть шефами и управляющими, а другую – стать их прислугой и подчиненными.

Очень низкие зарплаты учителей государственных школ и вследствие этого – их перегруженность числом рабочих часов в неделю (многие, чтобы свести концы с концами вынуждены давать уроки в нескольких школах одновременно) и вследствие этого резкое ухудшение качества преподавания, переполненные классы (по 40-50 учеников в среднем в группе в государственных школах в сравнении с 20-30 в частных), материально бедная инфраструктура и зачастую плохое, неполноценное питание учащихся, превращают государственную систему среднего образования в настоящую школу для изгоев общества, граждан второго сорта, которые растут, с детства накапливая социальную обиду и комплекс собственной неполноценности.

Такова одна из изюбинок столь разрекламированного у нас постсоветскими «демократическими реформаторами» «чилийского экономического чуда». Поэтому большинство моих чилийских знакомых, потеряв работы или разорившихся в бизнесе, готовы влезть в любые долги и сделать все что угодно, чтобы не переводить своих детей из платной частной школы в школу государственную. Как исключение, существует в стране несколько традиционно хороших государственных школ. Их можно пересчитать по пальцам. Конкурс на поступление в них настолько велик, что попасть туда среднему ребенку из средней семьи практически невозможно.

В последний день диктатуры, уходя с поста президента, Пиночет подписал ЛОСЕ – «Органический конституционный закон об образовании (*Ley orgánica constitucional de la enseñanza*)», призванный обеспечить «свободу образования», явившийся на практике гарантией превращения образования в неконтролируемый государством частный бизнес.

Согласно ЛОСЕ, любой частный предприниматель, обладающий определенным капиталом и закончивший среднюю школу, может открыть собственную школу, лицей, колледж, институт или университет. Так возникли тысячи «частных субсидируемых школ». Государство выдает им субсидию в виде 30 000 песо (около 60 долларов) в месяц на каждого ученика и при этом фактически лишено возможности контроля над учебным процессом и качеством образования (единственная форма отчета о деятельности и условие получения денег из бюджета государства – количество учащихся). Поскольку речь идет об обычном бизнесе, при котором цель свести к минимуму все затраты и добиться максимальной прибыли – за счет государственных фондов хозяева школы стремятся к набору максимального числа учащихся и тратить минимум на учителей и всю образовательную инфраструктуру.

Кроме того, ЛОСЕ дает хозяину учебного заведения право исключать из него любого ученика или преподавателя, который попытается создать или участвовать в любой профессиональной организации по защите своих прав и интересов.

Поскольку ЛОСЕ является законом «органическим» - согласно до сих пор действующей в стране пиночетовской конституции, принятой под прицелами автоматов в 1980 г., для его изменения необходимы голоса 4/7 от общего числа депутатов и сенаторов. Если учесть, что из-за другого изобретения и наследия диктатуры – бинаминальной избирательной системы, исключающих из нынешней «демократии» политические силы, не являющиеся частью крупных избирательных коалиций, причем вне зависимости от реальной поддержки населения, места в парламенте разделены примерно поровну между правой предпринимательской оппозицией (которая еще вчера защищала диктатора) и так

называемым «лево-центристским» правительством госпожи Мишель Бачелет, многие из членов которого, вчера боролись против диктатуры, а сегодня являются участниками «образовательного бизнеса», отмена этого закона представляется маловероятной.

Кроме того, в рамках проведенной диктатурой образовательной реформы была осуществлена «муниципализация» школ, т.е. для «сокращения государственных расходов» все государственные школы Чили перестали финансироваться Министерством образования и были переведены в экономическую зависимость от муниципальных бюджетов, в зависимости от того, на территории какого из них они расположены. Поскольку в Чили – стране колоссального классового неравенства - существуют немногие богатые и множество бедных муниципалитетов, разница в доходах которых отличается в десятки раз – это напрямую отражается на инфраструктуре и уровня преподавания соответствующих учебных заведений.

«Муниципализация» школ, вместе с ЛОСЕ стали главным механизмом, с одной стороны превращающим образование в весьма рентабельный бизнес, а с другой воспроизводящим и умножающим социальное неравенство, то, что превратило школьную систему в настоящий образовательный апартеид.

К этому можно добавить и то, что пресловутый «экзамен университетского отбора» - ПСУ, предполагающий набор учащихся необходимого для права на поступление в вуз количества баллов, это еще один механизм воспроизведения системы. Так, для получения высшего образования по одним специальностям существует один минимальный балл и для других – другой. Самый низкий проходной балл – около 450 пунктов - для карьеры педагогической, потому что именно учителя – наиболее низкооплачиваемая категория специалистов с высшим образованием, и соответственно наименее подготовленные из учеников идут в учителя. Для того, чтобы стать специалистом высокооплачиваемым, например врачом или юристом, обычно требуется порядка 800 баллов, да и сама учеба в

этом случае значительно дороже. В результате, шансы стать хорошо оплачиваемыми профессионалами у выходцев из социальных «низов» в десятки раз ниже.

В то же время, это случай – только престижных государственных и нескольких из лучших частных университетов. Потому что в результате существующей в Чили «свободы образования» - в стране есть сотни маленьких частных «университетов», не требующих ни проходных баллов, ни вступительных экзаменов – только денег за учебу. Требования к учащимся почти нулевые, потому что каждый студент – это клиент и любой преподаватель, требующий реальных знаний, может быть уволен. Что касается инфраструктуры и учебной базы таких университетов – полностью повторяется логика «частных субсидируемых школ». Диплом о высшем образовании по сути покупается клиентом и уровень знаний таких специалистов – одна из любимых тем здешних анекдотов.

Несколько лет назад правительство приняло решение об обязательном переводе всех учреждений среднего образования на систему «полного учебного дня»; раньше учебный процесс шел в два смены. На практике, в случае с «частными субсидируемыми» и государственными школами это значило непродуманное и импровизированное переполнение и без того бедных и тесных учебных помещений вдвое большим числом учеников, использование столовых и спортзалов в качестве аудиторий, набор на работу для занятия дополнительных часов учебы случайных людей, без педагогического образования, готовых давать уроки за полцены (поскольку речь, опять же, о бизнесе хозяев) и т.д.

Очевидно, что подобная ситуация требует перемен. Но как и откуда? Сменяющие друг друга «демократические правительства» одного и того же «нерушимого блока» социалистов и христианских демократов, привыкли разводить руками, вздыхать в микрофоны по поводу социальной несправедливости, доставшейся в наследство от диктатуры, обещать избирателям «большого равенства» и борьбы за права «простого чилийца». Они преуспели в искусстве нанесения на неприглядную социальную реальность страны макияжа в виде некоторых второстепенных реформ и судебных процессов над уже никому не нужными и всеми брошенными военными преступниками, наподобие Пиночета и при этом в сути своей сохранять все как есть. Потому что «опасно нарушать сложившуюся политическую стабильность», потому что «делается все возможное», потому что...

Основную реальную борьбу против диктатуры вели не оппозиционные политики, а миллионы рядовых чилийцев. США, в свое время приведшие Пиночета к власти, позволили убрать одиозного диктатора и допустили приход в страну этой дозируемой демократии, потому что задачи, стоявшие перед военными, оказались выполненными и перевыполненными. Диктатура фактически покончила с профсоюзным движением Чили. Все левые силы и движения, сохранившие последовательность, оказались обескровлены и разгромлены. Других – наподобие социалистов – удалось «обновить», точнее приручить и превратить в послушных союзников. В результате почти двух десятилетий террора и пропаганды идей «народного капитализма», менталитет населения Чили очень сильно изменился и целые поколения отвыкли от идеи бороться за свои права. За прошедшие десятилетия выросло поколение «детей диктатуры», научившееся воспринимать несправедливость как некую данность и бороться за личный успех и

выживание в джунглях «дикого капитализма». Старые революционеры оказались на обочине истории – одни из них постарались забыть об «ошибках молодости», а другие, не заметив изменений в мире и обществе, продолжают теоретизировать на кухнях и в кафе о том, кто виноват и что делать, причем весь этот пораженческий спор за прошедшие десятилетия старел вместе с ними. И конечно же неотъемлемой частью этого брюзжания были вздохи в адрес нынешней молодежи – как она безразлична к политике, как она эгоистична, как она потеряна...

К счастью, самое молодое поколение чилийцев, не перенимало опыта этих наставников. Оно не записывалось в их политические партии, не голосовало за их престарелые «авангарды», не молилось на их революционные библии. Дети демократии незаметно подрастали и видели этот мир без призраков прошлого и без груза исторических поражений. Они слушали другую музыку, играли в другие игры и копили свой собственный опыт и понимание.

Неожиданно для всех, именно нынешние 15-17-летние «пингвины» оказались первым за последние 30 лет поколением чилийцев без страха и именно с них сегодня начинается новый отсчет в истории страны. Школьники дают урок стране. Начавшийся почти три недели назад «марш пингинов», вовлекает в эту акцию все новых социальных актеров – к забастовке присоединяются крупнейшие университеты, учителя, родители, научные центры. По последним опросам, школьников поддерживает около 83% взрослого населения Чили.

Вот их требования:

1. Отмена органического конституционного закона об образовании (ЛОСЕ).
2. Отказ от системы «частного субсидируемого образования».
3. Пересмотр системы «полного учебного дня» и создание новой схемы, которая гарантировала бы регулярный и эффективный государственный контроль качества.
4. Бесплатный проезд в городском транспорте для школьников.
5. Отказ от «муниципализации» школ.
6. Бесплатный экзамен университетского отбора (ПСУ)
7. Качественное образование для всех.

В захваченных учащимися школах и лицеях действуют ассамблеи – горизонтальные органы власти, принимающие все бытовые и политические решения. Контроль над выполнением этих решений поручен школьным комитетам, которые избирают председателя. Ассамблея в свою очередь избирает официального представителя, который доносит мнение или позицию школьной ассамблеи в ассамблею представителей школ города, та – в свою очередь в региональную ассамблею, региональная – в национальную и несколько представителей ассамблеи национальной несут ответственность за переговоры с правительством Чили.

Несмотря на то, что абсолютное большинство участников ассамблей и комитетов – левые, представителями некоторых из них были избраны ребята правых взглядов. Несмотря на очевидные расхождения в политических взглядах и симпатиях, они работают вместе и соблюдают принятые решения, т.к. «по большинству вопросов»

существует согласие». Все попытки различных политических партий подчинить своим интересам или возглавить движение школьников, оказались безуспешны.

В каждой из школ действует собственная комиссия по безопасности, организующая круглосуточное дежурство на входе, въездах и на крыше, с целью предотвращения любой агрессии или провокации. Было много угроз и несколько случаев нападения на захваченные школы со стороны групп неонацистов. Чаще всего комиссии по безопасности неформально договариваются о взаимодействии с карабинерами, патрулирующими ближние улицы. Со внешней стороны входа обычно посменно дежурят родители и старшие братья и сестры школьников, захвативших школу.

За эти три недели, которые потрясли Чили, произошло множество событий. Все началось почти незаметно с демонстрации нескольких сотен школьников в центре Сантьяго, которые довольно быстро были разогнаны карабинерами. Даже для местных, обычно весьма провинциальных новостей, это показалось событием маловажным. Правительство в очередной раз проигнорировало требования, выдвинутые в первый день, совершенно не представляя себе масштаба и степени организованности движения учащихся. Откровенное высокомерие и безразличие со стороны властей стали катализатором новых и новых выступлений, вызвавших цепную реакцию по всей стране. К государственным колледжам начали присоединять все больше и больше частных. За школами последовали государственные и частные университеты. Через три дня после начала выступлений и первых захватов школ, министр образования поручил своему заместителю начать переговоры. Школьники потребовали участия в диалоге лично министра. В ответ на это на улицы были выведены водометы и спецназ, а мирная демонстрация учащихся в центре закончилась избиением демонстрантов и журналистов, арестами сотен участников и в один из захваченных лицеев полетели гранаты со слезоточивым газом. Это вызвало волну возмущения по всей Чили и вечером этого же дня генеральный директор корпуса карабинеров сбивчиво говорил о допущенных эксцессах и обещал провести немедленное расследование и наказать виновных. После него выступила президент Мишель Бачелет и пообещав стране, что такого больше не повторится, потребовала личных разъяснений у силовых ведомств. На следующий день полетели головы; был смещен с должности начальник спецназа Сантьяго, а карабинеры, участвовавшие в нападениях на школьников и журналистов были понижены в званиях и началось судебное расследование произошедшего. В результате поведение правоохранительных органов заметно изменилось в лучшую сторону.

Кстати, еще одно уточнение. В российской прессе говорилось, что «в выступлениях школьников планирует принять участие дочь президента Мишель Бачелет». На самом деле, дочь Бачелет София не планирует, а с самого начала участвует в забастовке частного колледжа Жируэтт, в котором учится. Правда, комментировать что-либо журналистам она отказалась.

Вместе с этим осталась одна серьезная проблема. Несмотря на неоднократные призывы организаторов движения к своим товарищам воздержаться от любых проявлений насилия, не участвовать в несанкционированных демонстрациях в центре, не перекрывать движения транспорта и сосредоточиться на мирных протестах на территориях захваченных школ, практически каждый день в центре Сантьяго идут настоящие бои между демонстрантами и карабинерами. Камни в обмен на струи воды и

слезоточивый газ. На самом деле, у этой темы несколько аспектов. Ни для кого не секрет существование определенной части молодежи, для которой метание камней в полицию является любимым видом спорта и для этого хорош любой повод; от футбольных матчей до политических манифестаций. Они всегда появляются в массе крупных демонстраций и становятся идеальным поводом для ее силового подавления. Их обычно не более двух-трех десятков, но в деле крушения автобусных остановок и скамеек в парках им нет равных. С другой стороны, на в рядах демонстрантов нередко замечались переодетые в студентов агенты полиции, которые провоцировали первые столкновения. Когда в действие вступают водометы и слезоточивый газ, они обычно исчезают. Третья категория – часть самих учащихся, обычно из маргинальных семей, на своей шкуре не раз испытавшие дискриминацию и жестокость карабинеров, действия которых на бедных окраинах Сантьяго до сих пор скорее похоже на поведение оккупационной армии, чем сил правопорядка. И четвертая – обыкновенные уличные преступники, пользующиеся подобными ситуациями для грабежа киосков и магазинов. К сожалению, контроль над поведением всех этих групп во время проведения крупных манифестаций со стороны их организаторов обычно практически невозможен и именно поэтому лидеры движения школьников призвали и призывают участников забастовки отказаться от уличных шествий.

Объезжаем Сантьяго на восемнадцатый день забастовки. На зданиях и заборах захваченных учащимися школ и лицеев надписи и разноцветные транспаранты с текстами наподобие: «Я только знаю, что ничего не знаю» (по поводу качества образования), «Если образование – бизнес, клиент не всегда прав?» (поскольку восстали сами клиенты), «Если это правительство – социалистическое, тогда папа римский -

сапатист» (намек на то, что президент страны - социалистка), «Образование – как твоя сестра: все имеют право...» (политически некорректно, зато смешно), «Помогите карабинерам – займитесь самобичеванием» (после первой волны репрессий)...

Чтобы получить информацию из первых рук, мы пытаемся пройти в захваченный учениками в первые дни протестов Мужской лицей Баррос Арана – один из старейших в городе. На охраняемом школьниками входе, нас просят оставить документы и выслушав просьбу об интервью, к нам вызывают председателя школьного совета. Его имя – Фелипе Веласкес, ему 17 лет и в течение ближайших часов он станет нашим гидом по «освобожденной территории» лицея. Извинившись, он просит не фотографировать своих товарищей, т.к. все решения, в.т.ч. о фотографировании принимаются ассамблеей школьников, которая собирается каждый день по несколько раз, для решения всех возникающих вопросов, но уже 10 вечера и больше ассамблей сегодня не будет. Во дворе лицея походит «культурная акция», концерт хип-хопа, выступающие – учащиеся лицея и их друзья-музыканты.

Со внутренней части входа – бумажный транспарант со внутренним регламентом, который был принят ассамблеей в первые часы захвата лицея. Вот он дословно:

1. Не вносить и не потреблять спиртных напитков и наркотиков.
2. Запрещено пачкать, ломать и разрушать объекты и предметы на территории лицея.
3. Помогать в поддержании порядка и уборке помещений.
4. Должны выполняться договоренности и обязанности по осуществлению контроля над захваченным лицеем, питание и сон – в отведенных для того помещениях.
5. Не курить в замкнутых помещениях.
6. Запрещено размещение на ночь «подруг» и половые отношения.
7. Входить могут только ученики лицея, все другие посетители могут находиться на территории лицея только с разрешения и в сопровождении представителей школьного совета
8. Запрещены драки и агрессивные споры.
9. Любая официальная декларация может быть сделана только уполномоченными представителями школьной ассамблеи.
10. За раздачу рационов пищи и распределение обязанностей и поручений отвечает только школьный совет.
11. Невыполнение этих норм влечет выдворение нарушителя с освобожденной территории.

Всегда до победы!

Просим прощения за орфографию.»

Вот сокращенный текст записанного на диктофон интервью Фелипе:

- Фелипе, как для тебя началось это движение?

- Меня буквально с детства интересовала история и различные социальные темы. В нашем колледже уже много лет действовало несколько коллективов учащихся, занимавшиеся изучением, точнее самоизучением неофициальной истории, форм организаций трудящихся, происходящего в других странах. Задачей нашего коллектива

было пробуждение в учениках гражданского сознания и интереса к происходящим вокруг событиям. Одновременно с этим мы учились выражать свои мысли и чувства.

- Эти коллективы имеют какое-то отношение к партиям?

- Нет, у партий собственная структура. В нашем колледже есть, например, ячейки коммунистической молодежи. Но коллективы – это совершенно автономные от партий организации, созданные и руководимые самими учащимися.

- Какова их политическая ориентация?

- Все коллективы – левые. Я ни разу не слышал о существовании какого-то правого коллектива. В прошлом году именно этими коллективами были созданы первые школьные ассамблеи, на которых мы начали обсуждать вопросы, связанные с нашей повседневной жизнью и образованием в целом. Причем ассамблеи тогда были двух типов – закрытые – для коллективов и их тематики и открытые – в которых могли участвовать все и могли обсуждаться любые вопросы. Я на всякий случай, решил участвовать в обеих. Уже тогда мы думали, что когда-нибудь, при большем уровне организации, эти ассамблеи смогут стать инстанцией донесения до властей наших школьных проблем и требований. Я думаю, что нынешний уровень участия ребят в движении, причем не только в нашем, но и в большинстве соседних колледжей, где мы часто бываем, стал возможен благодаря тому, что из-за постоянного присутствия таких вот социально-исторических коллективов, буквально с первых дней учебы в колледже происходила их быстрая политизация. Причем не в партийном, а именно в политическом, широком смысле слова.

- Фелипе, давай остановимся подробнее на этой самой политизации и ее смысле. Наш материал будет для стран бывшего Советского Союза и хотелось бы, чтобы ты объяснил это людям, далеким от проблем чилийского образования.

- Я бы начал с того, что несмотря на демократию, вся система образования Чили до сих пор находится в стадии диктатуры. Я имею в виду то, что она полностью унаследована от военного режима. Главный закон, на который опирается вся система школьного образования Чили – ЛОСЕ - был принят во времена диктатуры. И образовательная политика нынешнего демократического правительства тоже полностью соответствует неолиберальной модели, основы которой были заложены при диктатуре. С началом неолиберальных реформ в Чили национальная система образования оказалась в кризисе. Если обратиться к более старой истории, лучшие умы нашей страны - ученые, писатели и политики, с начала XX века мечтали о Чили как стране культурной и высокообразованной. И до начала 70-х эта мечта постепенно, со скрипом и кое-какими сбоями в целом все-же осуществлялась. Потом, после переворота, произошел огромный откат назад. Мы, сегодняшние школьники, реально знаем и умеем куда меньше, чем наши сверстники 30 лет назад. Но с другой стороны у нас нет того страха перед властью, который еще есть в среде наших родителей. Конечно, этот процесс организации был достаточно неравномерным и постепенным, но сегодня в нем соединилось несколько новых элементов – страх, которого больше не осталось, т.е. люди, готовые публично отстаивать свои убеждения не боясь репрессалий, СНИ (Национальный информационный центр - пиночетовская охранка – прим. пер.) и пр., накопившиеся структурные проблемы сразу в нескольких сферах образования и идея не останавливаться на чисто экономических требованиях, а смотреть немного дальше и обратиться к источнику проблемы – неолиберализации образования в стране. То есть наше главное требование – не бесплатный проезд, как утверждают средства информации. В этом году мы, учащиеся средней школы, решили опередить возникновение проблемы – до того как правительство поднимет нам стоимость проезда в автобусе на десять песо, потому что подорожал бензин и пр. То есть, начать первыми и самим перехватить инициативу в диалоге с властями. Иначе ты постоянно находишься в обороне и постоянно теряешь позиции.

- Кто принял решение об этом?

- Национальная ассамблея. В этом году нам впервые удалось создать национальную ассамблею, с представительством учащихся средних школ всей страны. Удалось преодолеть конфликты и различия между региональными группами и их интересами и вместо нескольких ассамблей создать одну и выработать на ней общую для всех позицию. Конечно, на самом деле все было сложнее, чем я тебе рассказываю... В чем-то помог наш опыт коллективной работы и принятия решений в коллективах. Мы смогли работать и с коммунистической молодежью, и с анархистами и даже с молодежью УДИ («Союз независимых демократов» - правая партия, прим. пер.), Конечно, во многом многим из нас пришлось уступать, была потеряна некоторая часть свободы, но зато мы научились работать вместе с теми, кто думает по-другому и мы смогли выиграть в массовости движения. В конце концов мы выиграли больше, чем потеряли. Сначала ребята из УДИ нас боялись, не хотели даже встречаться, а потом и они и мы постепенно привыкли. Получилось очень забавно. Согласно газетам и телевидению – молодежь безразлична к политике, потерянное поколение, никто ни в чем не участвует, нет идеалов,

леворадикальных сил и движений больше не существует... и в это же самое время по всей стране создаются школьные ассамблеи, действуют коллективы, ведутся споры о политике и формах организации... и извне никто этого не замечает... или просто не хотят видеть. Если ты спрашиваешь о том, кто принял решение о всеобщей забастовке – абсолютное большинство голосов на национальной ассамблее. Наше левое большинство. Правые не хотели, но им пришлось подчиниться... демократия... Мы отказались от предлагавшихся ими чисто экономических требований и решили обратиться к сути проблемы – принципах системы образования. Важную роль сыграли многочисленные культурные акты и концерты, которые мы проводили в разных школах. Пресса об этом ничего не сообщала, но ребята узнавали через знакомых. Потом прошла серия уличных демонстраций. Но демонстрации быстро исчерпали себя как форма протеста, потому что они обычно превращались в настоящие побоища с карабинерами. И тогда начались захваты учениками школ. Мы продолжаем искать и обсуждать наиболее эффективные формы давления. Захваты школ оказались очень интересным опытом. Думаю, пару лет назад никто из нас и подумать не мог, что организация учеников сможет взять под контроль целую школу.

- Как относятся школьные власти к захвату школы учениками? Как это выглядит на практике?

- Все началось с культурных актов. С утра мы приходили в школу, приносили с собой музыкальные инструменты, поэзию и во дворе в течение нескольких часов проводили культурный акт, чередуя артистические номера с объяснением проблем образования и целей движения. В какой-то момент обычно появлялся директор с вопросом – Что здесь происходит? Мы приглашали его послушать и поучаствовать. Чаще всего, через некоторое время директор говорил нам: - Хорошо, ребята, можете продолжать. Я согласен с вашими требованиями. Я не могу поддержать вас официально, но и мешать вам мы не будем... Потом, когда через несколько дней школа оказывается захвачена учениками, тот же директор утром приходит, школьники его не пускают. Он говорит: - Аааа..., и идет домой...

- Что все директора и учителя были так доброжелательны и пассивны?

- Пойми, что в государственных школах, директора обычно сами учителя и они не меньше нашего заинтересованы в изменении системы, жертвой которой они тоже являются. Они – обыкновенные трудящиеся сферы образования. В «частных субсидируемых школах», где директора – хозяева бизнеса часто происходит другое... Мы знаем случаи, когда директора за деньги нанимали хулиганов, которые избивали школьников.

- А родители?

- Родители тоже нас поддерживают. Мы действительно решили бороться за выполнение наших требований до конца. В процессе мы несколько раз пробовали и меняли различные методы. Чтобы покончить с насилием уличных демонстраций, мы перешли к захвату школ. Этим мы завоевали симпатии большинства, потому что люди видят в этой мирный, цивилизованный метод борьбы, в справедливости которой сегодня мало кто сомневается. Обычно родители сначала боятся нашего участия в политике... боятся за нас. Потом,

когда понимают, что мы все равно от этого не откажемся, постепенно привыкают и начинают сами помогать. Мои родители – правые, но я их постепенно перевоспитываю.

- Тема демонстрантов в масках, швыряющие камни в карабинеров. Что думают об этом сами участники движения?

- Существуют разные мнения. Несомненно, есть среди них переодетые сотрудники репрессивных органов и посторонних организаций. Есть и школьники. Сейчас я скажу тебе мое мнение, что на самом деле мне не положено говорить, потому что я – в руководстве. Но лично я думаю следующее – в какой-то степени я их понимаю. Что я могу сказать пацану с дальней периферийной окраины Сантьяго, у которого часто нет денег на дорогу в колледж, которого постоянно грабят на выходе из колледжа и карабинеры никогда не будут этим заниматься, потому что он бедный... А когда он попадает в богатые районы и хочет зайти в торговый центр или супермаркет, те же карабинеры или частные охранники его не пускают, потому что по нему видно, что он – из бедной семьи или если впустят – на выходе будут при всех унижительно обыскивать, как преступника, потому что он - бедный. Когда ночной патруль карабинеров его хватается на улице, если он возмущается, в машине его бьют по почкам и на всякий случай держат всю ночь на полицейском участке, подозревая в его во всем на свете, потому что он бедный... Когда этот парень бросает камень в карабинера – он бросает его не в человека, а в униформу, в источник его унижений. Что я могу сказать этому парню?

- Каких результатов вы ждете от сегодняшних выступлений? Чего ожидаете добиться?

Процесс будет долгим и непростым, мы понимаем, что одной забастовкой, даже при участии всех школ Чили систему изменить не удастся. Мы стремимся вовлечь в движение другие, самые разные социальные силы – студентов, рабочих. Мы стараемся

добиться единства разных людей и сил, многие из которых думают по-разному, но чьи интересы в основном совпадают. Чтобы показать «пингвинам» и не только «пингвинам», что организовавшись и объединившись можно двигаться вперед, добиваться целей, которые справедливы, добиваться уважения, причем не только со стороны властей, но и самих к себе... Чтобы многие увидели, что за свои права можно и стоит бороться. Еще мы хотим помочь людям, особенно старшему поколению, преодолеть в себе страх. Потому что без борьбы нам никто ничего не подаст на блюдечке. Потому что в конце концов это – наша страна и мы, организовавшись, можем сделать ее лучше. Если не для нас, то хотя бы для наших детей.

- Как было воспринято «пингвинами» предложение, сделанное правительством?

- Как крохи. Весь наш колледж воспринял его как крохи, поэтому мы решили продолжить забастовку. Внешне предложение выглядит очень красиво, но если посмотреть немного внимательнее – оно не касается сути наших требований, нам предлагают полумеры и решение вопросов второстепенных. Наша главная цель – вовсе не бесплатный проезд на транспорте, как делает вид правительство. Зачем мне нужен бесплатный проезд в школу, если получаемое мной образование – никудышнего качества?! Для начала, и это куда важнее темы бесплатного проезда, мы требуем отменить закон ЛОСЕ. Правительство предложило, как это сейчас стало модно, круглый стол, комиссию из своих специалистов и юристов, которой мы можем передать все наши требования и предложения, а потом она соберется и решит, что из этого можно дать этим пингвинчикам, чтобы они успокоились. Поэтому мы решили продолжить забастовку. Мы понимаем, что всех наших требований не удовлетворят, мы готовы от чего-то отказаться, но не надо считать нас совсем уже глупыми и доверчивыми детками.

- Почему вы включили в требования только тему бесплатности экзамена университетского отбора (ПСУ) и не потребовали права на бесплатное высшее образование?

- Я говорил тебе о том, что в перспективе нам бы хотелось участвовать в постоении широкого социального движения со множеством разных актеров... Мы прекрасно понимаем ограниченность горизонта движения только учеников среднего образования и ставить перед собой сразу такие явно завышенные и непосильные нам сегодня цели было бы ошибкой. Мы стараемся двигаться постепенно и ставить более не менее выполнимые требования, чтобы в результате у участников наших мобилизаций не было разочарования от недостижения слишком сложных задач. Тему бесплатного высшего образования, и некоторые другие, думаю пока лучше оставить на будущее.

- Насколько известны и насколько интересуют чилийских «пингинов» последние события в соседних странах региона и каковы их симпатии?

- Мне легче говорить о нашем коллективе. Что касается политических, или если угодно, так звучит мягче, социальных симпатий – это в первую очередь Куба и потом, конечно, Венесуэла и Боливия. Есть огромный интерес и такая же большая нехватка информации, проблема которую частично пытаемся решать при помощи интернета и через немногочисленные личные контакты со знакомыми живущими в других странах Латинской Америки. На уровне социальных организаций, у нас пока таких контактов нет.

Что ты думаешь о распаде Советского Союза и что тебе известно о нынешних событиях на территории бывших союзных республик?

- Очень мало. Я всегда интересовался и искал литературу, которой здесь тоже немного. Я бы мог тебе попытаться цитировать умные мысли разных аналитиков и политологов, но это их идеи, а не мои, поэтому наверное, нет смысла. Падение Берлинской стены почти совпало по времени с падением диктатуры в Чили... и с моим рождением. Наверное, излишняя бюрократизация советского общества оказалась одной из главных причин крушения «реального социализма». Было бы важно понять реальные причины и постараться сделать выводы.

Олег Ясинский
Сантьяго, Чили
8 июня 2006 г.

На фотографиях – Чилийский университет, лицей № 1, и председатель школьного совета лицея Баррос Арана Фелипе Веласкес.

